

СОДЕРЖАНИЕ

5	Предисловие
7	Введение. Вопросы реабилитации и доклад комиссии Поспелова
17	«В Президиум ЦК КПСС». Доклад комиссии Поспелова
53	Комментарии
62	Факсимиле подлинника доклада комиссии Поспелова
135	Послесловие. Хрущёвское десятилетие
142	Приложение (документы, фотографии, плакаты)
171	Именной указатель
173	Список использованной литературы
174	Список сокращений
178	Справочная информация о Музее истории ГУЛАГа

Первое
слово
правды

Роман Романов,
директор Музея
истории ГУЛАГа,
руководитель
Фонда Памяти

С 2017 года Музей истории ГУЛАГа публикует наиболее значимые исторические источники по истории ГУЛАГа и политических репрессий в СССР. Среди них — научные издания, мемуары, документальная проза и стихи репрессированных авторов, книги, подготовленные сотрудниками музея, а также рассказы о предметах из музейной коллекции, вещественных доказательствах эпохи репрессий.

Доклад комиссии Пospelова с научными комментариями сотрудников музея — важная веха в нашей издательской программе. В этом документе впервые предпринимались попытки раскрыть механику проведения репрессий, установить персональную ответственность Сталина, подсчитать количество арестованных по обвинению в контрреволюционной деятельности.

Уникальность этого издания в том, что в нем впервые воспроизводится оригинал доклада и ряд других документов эпохи Большого террора. Факсимильные копии документов, свидетельствующих о жестокости репрессивной политики сталинского режима, помогают убедиться в подлинности происходивших событий и изучить все подробности.

ВВЕДЕНИЕ

ВОПРОСЫ РЕАБИЛИТАЦИИ И ДОКЛАД КОМИССИИ ПОСПЕЛОВА

После эпохальных событий 1953 года (смерть И. В. Сталина, мартовская амнистия заключенных со сроками до пяти лет, прекращение «дела о врачах-вредителях», арест и расстрел Л. П. Берии и др.) во все высшие судебные, партийные, правительственные инстанции, лично Н. С. Хрущёву, К. Е. Ворошилову, Г. М. Маленкову и другим членам Президиума ЦК КПСС стали поступать десятки тысяч заявлений, жалоб, прошений, в которых заключенные и родственники репрессированных жаловались на незаконное осуждение за контрреволюционные преступления и просили о пересмотре уголовных дел. Во многих письмах высказывались предложения о создании специальных комиссий по пересмотру дел политических заключенных. Так, например, давний партийный и государственный деятель Г. И. Петровский, родственники которого были репрессированы, обращаясь к Маленкову, писал: «Ввиду обнаруженных предательских и провокаторских дел для партии и Родины, наделанных Берия, почти то же делалось и Ежовым в свое время, требуется особо строго правосудие и контроль над работой НКВД и МВД. Очевидно, эти временщики слишком большую власть имели и перегибали во всех областях управления. Они немало загубили честных коммунистов, дерзнувших где-нибудь критикнуть этих сатрапов, за что превращались в “лагерную пыль”. Поэтому следует пересмотреть дела членов партии, репрессированных органами МВД и НКВД за время управления Берия и Ежовым. Для этого создать особую авторитетную комиссию и дать ей право самостоятельно разбирать каждое дело и заявление членов партии, и докладывать Президиуму ЦК КПСС»¹. Здесь, как видим, предлагалось восстановить справедливость только в отношении бывших коммунистов.

К весне 1954 г. уже были реабилитированы многие видные партийные, государственные и общественные деятели, в первую очередь из числа тех, которые имели влиятельных родственников или знакомых в среде высшей партийной бюрократии. Как же объясняли все случившееся сами обитатели политического олимпа? «Я и многие другие не имели полного представления о незаконных арестах, — утверждал А. И. Микоян. — Конечно, многим фактам мы не верили и считали людей, замешанных в этих делах, жертвами мнительности Сталина. Это касается тех, кого мы лично хорошо знали. А в отношении тех, кого мы плохо знали, да нам еще представляли убедительные документы об их враждебной деятельности, мы верили»². Как он потом вспоминал, огромную роль в «просвещении» высшего партийного руководства в 1954—1955 гг. сыграли О. Г. Шагуновская, которую Микоян знал с 1917 г., и А. В. Снегов, знакомый ему с 1930-х годов. Эти большевики с дореволюционным партстажем, проведенные в лагерях и ссылках более 15 лет каждый, были привлечены Хрущёвым к процессу реабилитации и стали его активными и влиятельными участниками.

Следует отметить, что первыми с инициативой о пересмотре дел осужденных за контрреволюционные преступления выступили не партийные органы, а руководители репрессивных ведомств. 8 декабря 1953 г. Генераль-

1

Реабилитация: как это было. Документы Президиума ЦК КПСС и другие материалы. В 3-х томах. Том I. Март 1953 — февраль 1956. М., 2000. С. 390.

2

Микоян А. И. Так было. Размышления о минувшем. М., 1999. С. 589.

ный прокурор СССР Р. А. Руденко и министр внутренних дел СССР С. Н. Круглов обратились к Первому секретарю ЦК КПСС Хрущёву с докладной запиской, в которой, в частности, предлагали создать специальную комиссию для пересмотра всех архивных следственных дел, рассматриваемых Особым совещанием при НКВД — МГБ СССР в период с 1 июля 1945 г. по 1 сентября 1953 г.³

В аналогичном письме от 1 февраля 1954 г., подписанном этими же лицами, а также министром юстиции СССР К. П. Горшениным, сообщалось: «В целях выявления случаев необоснованного осуждения граждан и последующей их реабилитации считаем необходимым специально пересмотреть все архивно-следственные дела на лиц, осужденных за контрреволюционные преступления Коллегией ОГПУ, тройками НКВД, Военной коллегией, судами и военными трибуналами и ныне содержащихся в лагерях и тюрьмах МВД СССР...»⁴.

Авторы письма считали целесообразным создать для пересмотра дел Центральную и местные комиссии, в которые должны были войти исключительно руководящие работники МВД, Главной военной прокуратуры, Минюста, Управления военных трибуналов, Управления по надзору за местами заключения, Прокуратуры СССР и т. д. Такой сугубо ведомственный подход к формированию комиссий априори исключал возможность объективного рассмотрения дел и восстановления подлинной справедливости, поскольку в основном членами комиссий становились именно те должностные лица, на которых лежала персональная ответственность за творившиеся в стране произвол и беззакония.

Проявляя различные инициативы в деле борьбы с нарушениями законности, руководители Прокуратуры, КГБ, МВД и МЮ СССР с привычным «негодованием» писали: «В результате разоблачения Центральным Комитетом КПСС и Правительством изменнической деятельности Берия и его сообщников установлено, что эти враги народа преднамеренно и систематически нарушали социалистическую законность для того, чтобы облегчить проведение своей преступной деятельности. С целью истребления честных, преданных делу коммунистической партии и Советской власти кадров, преступники, пробравшиеся в органы МВД, сознательно насаждали произвол и беззаконие, совершали незаконные аресты ни в чем не повинных советских граждан, применяли строжайше запрещенные законом преступные методы ведения следствия и фальсифицировали дела»⁵. Не смущаясь собственной личной причастностью к многочисленным фактам грубейшего извращения и нарушения советских законов⁶, руководство карательных ведомств активно демонстрировало свою «заботу» о восстановлении социалистической законности.

Постановление о создании Центральной и местных комиссий по пересмотру дел осужденных за контрреволюционные преступления, содержащихся в лагерях, колониях, тюрьмах и находящихся в ссылке на поселении, было принято Президиумом ЦК КПСС 4 мая 1954 г. Это постановление можно

3 По неполным данным, Особое совещание при НКВД — МГБ СССР за время своего существования (5.11.1934—1.09.1953) приговорило к различным мерам наказания 442,5 тыс. человек. См.: Реабилитация: как это было... Т. I. С. 73—74.

4 ГУЛАГ: Главное управление лагерей. 1918—1960. М., 2000. С. 147—148.

5 Реабилитация: как это было... Т. I. С. 103.

6 После XX съезда КПСС Комитет партийного контроля при ЦК КПСС рассмотрел 387 персональных дел коммунистов, виновных в грубом нарушении законности, и 347 человек исключил из партии, в том числе и бывшего министра внутренних дел С. Н. Круглова. В отчете КПК в связи с рассмотрением персонального дела бывшего министра, в частности, сообщалось: «Круглов, будучи долгое время заместителем Берия, проявил себя как лично преданный Берия человек, грубо нарушал социалистическую законность. Занимаясь в 1944 г. выселением чеченцев и ингушей, он допустил произвол по отношению к выселяемым, применял расстрелы невинных людей, больных, стариков и женщин с детьми...» См.: Реабилитация: как это было. Документы Президиума ЦК КПСС и другие материалы. Том II. Февраль 1956 — начало 80-х годов. М., 2003. С. 360—361.

в определенной мере считать победой репрессивной системы, которая под видом борьбы за восстановление социалистической законности получила уникальную возможность полностью контролировать ситуацию с пересмотром дел и тем самым в значительной мере избежать нежелательных разоблачений собственной преступной деятельности. Чтобы повысить неуязвимость репрессивной системы, защитить от возможной критики и жалоб заключенных, было принято специальное «Разъяснение», которое устанавливало: «Знакомить заключенных и ссыльных с выписками из протоколов Центральной и местных комиссий по их делам запрещается. Запрещается также устно сообщать о том, что дело рассматривалось Центральной или местной комиссией. <...> Об отказе в пересмотре решений... объявлять только в тех случаях, когда имеются жалобы заключенных»⁷.

Работа Центральной и местных комиссий по пересмотру дел продолжалась с мая 1954 г. по март 1956 г. За этот период комиссии пересмотрели дела в отношении 337 183 осужденных. Как писал в ЦК КПСС один из областных прокуроров, местные комиссии принимали решения о смягчении, и в особенности об освобождении от наказания, «с опаской и оглядкой». Следствием такого подхода стало то, что 183 681 человек (54,5%) навсегда (как тогда казалось) распростились с надеждой на восстановление справедливости, поскольку комиссии, чьи постановления считались окончательными, приняли в отношении этих осужденных решения об оставлении ранее определенной меры наказания без изменения.

В отношении 153 502 осужденных (45,5%) были вынесены решения о прекращении дел, о сокращении сроков наказания, о применении указа об амнистии, об освобождении из ссылки и др.⁸ Наиболее часто, особенно в «бесспорных» случаях, члены комиссий снижали осужденному наказание до пяти лет и освобождали по амнистии. В силу своей ведомственной принадлежности и специфики профессиональной деятельности члены этих комиссий никогда не ставили под сомнение законность самого факта осуждения по политическим мотивам и никогда не задавались вопросом о причинах массовых репрессий.

В ходе подготовки к XX съезду КПСС вопросы, связанные с освобождением и реабилитацией незаконно осужденных граждан, все чаще становились предметом обсуждения в среде высшего партийного руководства. А. И. Микоян вспоминал, что к нему часто обращались родственники репрессированных с просьбой о пересмотре их дел. Он направлял все эти ходатайства Генеральному прокурору Руденко и с удивлением отмечал, что ни разу не было отказа в реабилитации. Все дела были пересмотрены, и люди оказались невиновными. «А ведь многие из них были членами ЦК или наркомками (дела разбирались по просьбе детей и вдов этих людей)», — замечал Микоян. Осенью 1955 г. он попросил своего друга Л. С. Шаумяна, работавшего на руководящей должности в издательстве «Советская энциклопедия», составить две справки. В одной из них просил указать, сколько было делегатов на XVII съезде, вошедшем в историю как «съезд победителей», и сколько из них подверглось репрессиям; во второй — дать список членов и кандидатов в члены ЦК партии, избранных на этом съезде, а затем репрессированных. Свой интерес именно к XVII съезду Микоян объяснял так: «Ведь это был 1934 г., когда на съезде не было уже антипартийных группировок, разногласий, было полное единство в партии. Поэтому важно было посмотреть, что стало с делегатами этого съезда». Когда через полтора месяца Шаумян предоставил Микояну нужные сведения, тот был потрясен:

7

Сборник законодательных и нормативных актов о репрессиях и реабилитации жертв политических репрессий. М., 1993. С. 82.

8

Реабилитация: как это было... Т. II. С. 71.

«Картина была ужасающая. Большая часть делегатов XVII партсъезда и членов ЦК была репрессирована... Несколько дней из головы не шла мысль об этом, все обдумывал, как это происходило, почему Сталин это сделал в отношении людей, которых хорошо знал»⁹.

Официально пользоваться полученными сведениями Микоян не мог, поскольку Шаумян добыл их частным порядком. Этот вопрос он решил обсудить с Хрущёвым один на один. Первый секретарь слушал внимательно. Микоян предложил создать авторитетную комиссию из членов Президиума ЦК КПСС, которая изучила бы все документы МВД, Комитета госбезопасности, Верховного суда, прокуратуры и другие, добросовестно разобралась бы во всех делах о репрессиях и подготовила бы доклад для съезда. Хрущёв согласился, но предложил не включать в эту комиссию членов Политбюро, которые близко работали со Сталиным. По словам Микояна, Хрущёв считал, что «важнее и лучше включить в состав комиссии авторитетных товарищей, но близко не работавших со Сталиным. Предложил во главе комиссии поставить Пospelова, директора Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС. Это — история партии, прямо касается работы его аппарата». Микоян с этим предложением согласился, хотя вполне обоснованно считал, что «Пospelову нельзя всецело доверять, ибо он был и остается просталински настроенным»¹⁰.

31 декабря 1955 г. состоялось заседание Президиума ЦК КПСС, в повестке дня которого значился пункт «Вопросы, связанные с реабилитацией (Хрущёв)». Согласно краткой протокольной записи, на заседании была «создана комиссия в составе тт. Пospelова, Комарова, Аристов, Шверника, которой поручено просмотреть все материалы»¹¹. Как отмечалось в докладе самой комиссии, неофициально названной впоследствии «комиссией Пospelова», она была создана «для разбора вопроса о том, каким образом оказались возможными массовые репрессии против большинства всего состава членов и кандидатов ЦК ВКП(б), избранного XVII съездом партии»¹². Члены комиссии лично проверяли документы, привлекаая к подготовке документального материала руководителей аппарата КГБ и Прокуратуры. Работа комиссии, протекавшая в условиях строжайшей конспирации, продолжалась чуть более месяца.

1 февраля 1956 г. вопрос о реабилитации вновь был поставлен на заседании Президиума ЦК в связи с обсуждением дела бывшего заместителя начальника следственной части по особо важным делам НКВД — НКГБ СССР полковника Б. В. Родоса, в отношении которого Президиум ЦК КПСС постановил: «предать его суду, его дело слушать в закрытом заседании Военной коллегии Верховного суда СССР». Допрос Родоса (приговоренного к расстрелу в феврале 1956 г.), которому Хрущёв дал убийственную характеристику в своем «секретном» докладе¹³, вызвал бурные дебаты среди членов Президиума. Предельно краткие строчки черновой протокольной записи заседания отразили не только противоречивость мнений высшей партийной элиты, но также ее сомнения, растерянность и даже страх:

9 Микоян А. И. Так было... С. 590—591.

10 Там же. С. 591—592.

11 Президиум ЦК КПСС. 1954—1964. Т. 1. Черновые протокольные записи заседаний. Стенограммы. М., 2003. С. 79. Реабилитация: как это было... Т. 1. С. 296, 409.

Пospelов П. Н. — в тот период секретарь ЦК КПСС, Комаров П. Т. — заместитель председателя Комитета партийного контроля, Аристов А. Б. — секретарь ЦК КПСС, Шверник Н. М. — председатель ВЦСПС.

12 РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 171. Д. 489. Л. 83.

13 Хрущёв характеризовал Родоса следующими словами: «Это — никемный человек, с куриным кругозором, в моральном отношении буквально выродок...» См.: О культуре личности и его последствиях. Доклад Первого секретаря ЦК КПСС тов. Хрущёва Н. С. XX съезду Коммунистической партии Советского Союза // Известия ЦК КПСС. 1989. № 3. С. 145.

Т. ХРУЩЁВ

Виноваты повыше. Полууголовные элементы привлекались к ведению таких дел. Виноват Сталин.

АРИСТОВ

Т. Хрущёв, хватит ли у нас мужества сказать правду?

Т. ХРУЩЁВ

Ежов, наверное, не виноват, честный человек.

Т. ПОСПЕЛОВ

Лимиты на аресты утверждались.

Т. МОЛОТОВ

Но Сталина как великого руководителя надо признать.

МИКОЯН

Возражает Молотову: «А ты, т. Молотов, поддерживал».

Т. МОЛОТОВ

Нельзя в докладе не сказать, что Сталин великий продолжатель дела Ленина. Стою и за этим.

Т. МИКОЯН

Возьмите историю — с ума можно сойти.

Т. САБУРОВ

Если верны факты, разве это коммунизм? За это простить нельзя.

Т. ПЕРВУХИН

Знали ли мы? Знали, но был террор. Тогда не могли что-либо сделать. Партии обязаны объяснить, сказать и на съезде, сказать и на пленуме.

Т. БУЛГАНИН

Партии сказать всю правду надо, что Сталин из себя представляет, линию занять надо такую, чтобы не быть дураками. Состав ЦК XVII съезда ликвидировал. Не согласен с т. Молотовым, не согласен, что великий продолжатель.

Т. СУСЛОВ

За несколько месяцев узнали ужасные вещи. Нельзя оправдать этого ничем.

Т. МОЛОТОВ

Правду восстановить. Правда и то, что под руководством Сталина победил социализм. И неправильности надо соразмерить, и позорные дела — тоже факт. Вряд ли успеем перед съездом сказать.

Т. ХРУЩЁВ

Ягода, наверное, чистый человек. В основном правильно высказывались. Надо решить в интересах партии. Сталин — преданный делу социализма, но все варварскими способами. Он партию уничтожил. Не марксист он. Все святое стер, что есть в человеке. Все своим капризам подчинял. На съезде не говорить о терроре. Надо наметить линию — отвести Сталину свое место. Усилить обстрел культа личности¹⁴.

В контексте состоявшегося обсуждения вопроса о сталинских репрессиях заключительная фраза Хрущёва «*на съезде не говорить о терроре*» кажется нелогичной. Но дело в том, что на тот момент члены Президиума еще не были ознакомлены с результатами работы комиссии Поспелова, и речь еще не шла о каком-то специальном докладе, посвященном этому вопросу.

Итоговый доклад комиссии Поспелова, адресованный Президиуму ЦК КПСС, датированный 9 февраля 1956 г., был подписан четырьмя членами комиссии — Поспеловым, Аристовым, Шверником, Комаровым. 69 машинописных страниц «совершенно секретного» текста содержали жуткий по своей убедительности фактический материал о массовом терроре, развязанном в стране во второй половине 1930-х годов. Это было первое слово правды о преступлениях Сталина против своего народа, сказанное официальными лицами на высшем государственном уровне.

Уже начальные строки доклада были способны повергнуть в шок буквально каждого, кто их читал и слушал. Вслед за констатацией факта, что «1935—1940 годы в нашей стране являются годами массовых арестов советских граждан», в докладе приводилась убийственная статистика

репрессий: «Всего за эти годы было арестовано по обвинению в антисоветской деятельности 1 920 636 человек, из них расстреляно 688 503. Особый размах репрессий имел место в 1937—38 гг. <...> За два года (1937—1938) было арестовано 1 548 366 человек и из них расстреляно 681 692»¹⁵.

Текст доклада был разделен на несколько подразделов, раскрывающих в общих чертах механизм массового террора и рассказывающих о репрессиях в отношении некоторых, наиболее значимых для того времени, политических фигур. Доклад содержал следующие подразделы: «Приказы НКВД СССР о проведении массовых репрессий», «Искусственное создание антисоветских организаций, блоков и различного рода центров», «О грубейших нарушениях законности в процессе следствия», «О “заговорах” в органах НКВД», «Нарушения советской законности органами прокуратуры в надзоре за следствием в НКВД», «Судебный произвол Военной Коллегии Верховного Суда СССР», «О внесудебном рассмотрении дел». В докладе приводились выдержки из следственных дел П. П. Постышева, С. В. Косиора, Р. И. Эйхе, Я. Э. Рудзутака, В. Я. Чубаря, Е. Г. Евдокимова, Л. И. Лаврентьева (Картвелишвили), И. С. Уншлихта, В. К. Блюхера, И. П. Носова, К. Я. Баумана, Н. П. Комарова. Авторы доклада отмечали, что «перечень ответственных работников КПСС, осужденных к расстрелу по необоснованным, явно сфальсифицированным материалам, подвергавшихся пыткам и истязаниям в процессе следствия, можно было бы значительно расширить»¹⁶. Несколько страниц доклада были посвящены показаниям бывших сотрудников НКВД, которые подробно рассказывали, как они избивали, пытали и мучили арестованных, фальсифицировали их следственные документы. В докладе многократно упоминалось имя Сталина. Там, где речь шла о его преступных деяниях, имя вписывалось в текст от руки.

Заключительная часть доклада была посвящена объяснению причин массовых репрессий. Таковыми, по мнению членов комиссии, стали подзаконные акты, принятые верховной властью в связи с убийством 1 декабря 1934 г. С. М. Кирова, а также сталинская установка о том, что «НКВД опоздал на 4 года» с применением массовых репрессий. Эта установка, данная членам Политбюро в сентябре 1936 г., легла в основу резолюций февральско-мартовского Пленума ЦК ВКП(б) 1937 г., что «позволило прикрывать именем партии массовый террор против кадров партии и Советского государства и рядовых советских граждан»¹⁷.

Один из первых исследователей доклада комиссии Поспелова — Р. Г. Пихоя — так охарактеризовал этот документ: «Доклад страшный. Страшны конкретные факты, многочисленные выдержки из показаний и жертв, и палачей, тоже большей частью расстрелянных во время “чистки” органов НКВД в 1939—1940 гг., свидетельства о пытках, попытки прежних соратников вымолить у Сталина жизнь. <...> В документе ясно устанавливалась персональная ответственность Сталина за применение пыток на допросах, внесудебные расправы и расстрелы»¹⁸.

9 февраля 1956 г. Президиум ЦК КПСС (на заседании присутствовали 17 членов и кандидатов в члены Президиума) заслушал доклад комиссии П. Н. Поспелова об установлении причин массовых репрессий против чле-

15 РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 171. Д. 489. Л. 23. В целях конспирации вся статистика вписана в машинописный текст доклада от руки. Согласно статистической отчетности НКВД за 1937—1938 гг., в 1937 г. было арестовано 936 750 человек, в 1938 г. — 638 509, всего за два года — 1 575 259 человек. См.: Лубянка. Сталин и Главное управление госбезопасности НКВД. Архив Сталина. Документы высших органов партийной и государственной власти. 1937—1938. М., 2004. С. 659—660.

16 Там же. Л. 60

17 Там же. Л. 84—87.

18 Пихоя Р. Г. СССР: История власти. 1945—1991. М., 1998. С. 141.

нов и кандидатов в члены ЦК ВКП(б), избранных на XVII съезде партии. В своих воспоминаниях об этом заседании А. И. Микоян писал: «В записке комиссии от 9 февраля 1956 г. приводились ужаснувшие нас цифры о числе советских граждан, репрессированных и расстрелянных по обвинениям в “антисоветской деятельности”. <...> В записке указывалось, что в ряде крайкомов, обкомов, райисполкомов партии были подвергнуты арестам две трети состава руководящих работников. <...> Факты были настолько ужасающими, что в особенно тяжелых местах текста Поспелову было трудно читать, один раз он даже разрыдался»¹⁹.

В ходе состоявшегося бурного обмена мнениями члены Президиума, по сути, решали важнейший теоретический вопрос, сформулированный Микояном: «Как относиться к прошлому?» Скупые строчки черновой протокольной записи заседания раскрывают в общих чертах позиции руководителей партии.

ХРУЩЁВ, ПЕРВУХИН, МИКОЯН

Несостоятельность Сталина раскрывается как вождя. Что за вождь, если всех уничтожает. Надо проявить мужество, сказать правду.

Т. МОЛОТОВ

На съезде надо сказать... Но 30 лет мы жили под руководством Сталина — индустриализацию провели. После Сталина вышли великой партией.

Т. КАГАНОВИЧ

Историю обманывать нельзя, факты не выкинешь. Мы несем ответственность. Но обстановка была такая, что мы не могли возражать.

Т. БУЛГАНИН

Если съезду не сказать, будут говорить, что мы струсили. То, что вскрылось — мы не знали. Списки на 44 тыс. — невероятный факт.

Т. ВОРОШИЛОВ

Более основательно подготовить. Согласен довести до партии (до съезда). Осторожным нужно быть. <...> Сталин осатанел (в борьбе) с врагами. Тем не менее у него много было человеческого. Но были и звериные замашки.

МИКОЯН

Мы не можем не сказать съезду. Впервые самостоятельно обсуждать можем.

Как относиться к прошлому?

За провал в сельском хозяйстве разве можно простить?

Если бы люди были живы — успехи были бы огромны.

Т. МАЛЕНКОВ

Считаю правильным предложение сказать съезду. Никакой борьбой с врагами не объясним, что перебили кадры.

«Вождь» действительно был «дорогой».

Т. АРИСТОВ

«Мы этого не знали» (это недостойно членов ПБ). Годы страшные, годы обмана народа.

Хотели сделать бога, а получился черт.

Т. ШВЕРНИК

Сейчас ЦК не может молчать, иначе — предоставить улице говорить. Съезду надо правду сказать, культ личности разоблачить. Доклад сделать. Кошмар — три раза косили людей.

Т. САБУРОВ

Молотов, Каганович, Ворошилов неправильную позицию занимают, фальшивят. Это не недостатки (как говорит т. Каганович), а преступления²⁰.

В тот момент большинство членов и кандидатов в члены Президиума, хотя и с определенными оговорками, высказались за правду. Проблема заключалась лишь в том, что все эту «правду» понимали по-разному.

Выводы комиссии Поспелова были утверждены Президиумом без изменений. Но, как отмечал А. И. Микоян, комиссия не внесла предложений по вопросу об открытых судебных процессах 1930-х годов, заявив, что не сумела разобраться и что ей трудно это сделать. «Видимо, решили подстраховаться, потому что после всех изложенных фактов эти процессы просто разваливались», — полагал Микоян. В дальнейшем по предложению Хрущёва изучением материалов открытых судебных процессов по делу Бухарина, Рыкова, Зиновьева и других занялась комиссия под председательством Молотова, куда также вошли Ворошилов, Каганович, Суслов, Фурцева и другие члены ЦК²¹.

Учитывая, что работа комиссии началась в апреле 1956 г., т. е. уже после XX съезда, и что в ее составе были три члена из предыдущей комиссии, включая и самого Поспелова, можно было предположить, что материалы открытых судебных процессов 1930-х годов будут изучены не менее внимательно, чем материалы массовых репрессий 1937—1938 гг. Но этого не случилось. Как вспоминал позднее Микоян, «через некоторое время новая комиссия представила предложения в том смысле, что, хотя в те годы не было оснований обвинять Зиновьева, Каменева и других в умышленной подготовке террора против Кирова, они все же вели идеологическую борьбу против партии и пр. Поэтому, делала вывод комиссия, не следует пересматривать эти процессы»²². По мнению Микояна, отмене приговоров по открытым судебным процессам в тот период помешали Молотов, который продолжал прикрывать сталинские преступления, и сам Поспелов, который не передал необходимые материалы.

18 февраля 1956 г. Поспелов и Аристов представили Хрущёву проект доклада «О культе личности и его последствиях», основанный на материалах, собранных комиссией Поспелова. Неудовлетворенный предложенным вариантом, Хрущёв сам активно включился в подготовку доклада для XX съезда и лично продиктовал стенографистке собственную версию доклада. В итоге поспеловский проект стал лишь частью того доклада, с которым Хрущёв выступил на закрытом заседании XX съезда партии.

В докладе комиссии Поспелова, как и в «секретном» докладе Хрущёва, речь шла прежде всего о массовых репрессиях против руководящих партийных, советских, хозяйственных и военных кадров. Вопрос о ГУЛАГе, о миллионах советских граждан всех профессий, конфессий и национальностей, сгинувших или продолжавших владеть жалкое, бесправное, полуголодное существование в советских лагерях и тюрьмах, оставался открытым.

В докладе Хрущёва «О культе личности и его последствиях» слово «лагерь» встречается всего лишь дважды, оно проходит в общем контексте повествования без каких-либо комментариев и осуждения. Тем не менее общая тональность доклада, острота поставленных проблем, а также четко сформулированная в конце выступления задача «до конца исправить нарушения революционной социалистической законности, которые накопились за длительный период в результате отрицательных последствий культа личности»²³, все это не оставляло сомнений в том, что лагерную систему ждут дальнейшие радикальные перемены.

19 марта 1956 г. Президиум ЦК КПСС принял постановление «О рассмотрении дел на лиц, отбывающих наказание за политические, должностные и хозяйственные преступления». В целях быстрее освобождения указанных лиц из мест заключения образовывались специальные комиссии Президиума Верховного Совета СССР²⁴. В постановлении указывалось, что про-

21
22
23
24

Реабилитация: как это было... Том II. С. 70.

Микоян А. И. Так было... С. 593—594.

О культе личности и его последствиях... // Известия ЦК КПСС. 1989. №3. С. 165.

См. прил. 12.

верка должна производиться путем личного ознакомления с заключенным, а также путем рассмотрения следственных и судебных дел. Такой порядок работы комиссий принципиально отличался от сложившейся практики, когда судьба заключенных решалась в строжайшей тайне от них самих.

Всего весной 1956 г. было образовано 97 комиссий Президиума Верховного Совета СССР, в которые входило 375 человек. В основном это были руководящие партийные и советские работники, а также представители суда и прокуратуры. Исключением среди представителей партийно-советской номенклатуры являлись немногочисленные бывшие заключенные, которых в списках комиссий насчитывалось 18 человек.

Как и предписывалось, все комиссии закончили работу к 1 октября 1956 г. Всего они рассмотрели дела на 176 325 человек. Из этого числа свободу получили 100 139 человек. Срок наказания был сокращен 42 016 осужденным²⁵. Абсолютное большинство лиц, освобожденных из заключения, юридически не были реабилитированы. С них снималась судимость и все связанные с осуждением правоограничения, что не являлось реабилитацией. Так, из общего числа лиц, освобожденных комиссиями Президиума Верховного Совета СССР от дальнейшего отбывания наказания, полностью реабилитированы были только 3271 человек. Для сотен тысяч выживших узников ГУЛАГа процесс восстановления справедливости, заключавшийся прежде всего в судебной, а для многих также и в партийной реабилитации, растянулся на долгие годы.

Оценивая не всегда последовательную, а порой и противоречивую политику «десталинизации», А. Н. Яковлев писал: «И все же хрущёвский шаг — от дикости к цивилизованности, от животных инстинктов к просветлению разума, от иррациональности к ответственности — взбудоражил общество, что объективно служило движению к свободе»²⁶.

«В Президиум
ЦК КПСС».
Доклад
комиссии
Поспелова

доклад
комиссии
поспелова

ДОКЛАД КОМИССИИ ПОСПЕЛОВА

*Сов. секретно¹
В Президиум ЦК КПСС*

П. Поспелов
А. Аристов
Н. Шверник
П. Комаров

В соответствии с Вашим поручением^{II} докладываем:
Нами изучены имеющиеся в Комитете госбезопасности¹ архивные документы, из которых видно, что 1935—1940 годы в нашей стране являются годами массовых арестов советских граждан.

Всего за эти годы было арестовано по обвинению в антисоветской деятельности 1920 635 человек^{III}, из них расстреляно 688 503.

Особый размах репрессий имел место в 1937—38 гг., что видно из следующей таблицы:

годы	1935	1936	1937	1938	1939	1940
арестовано	<i>114 456</i>	<i>88 873</i>	<i>918 671</i>	<i>629 695</i>	<i>41 627</i>	<i>127 313</i>
из них расстреляно	<i>1229</i>	<i>1118</i>	<i>353 074</i>	<i>328 618</i>	<i>2601</i>	<i>1863</i>

Таким образом, за два года — 1937—1938 было арестовано 1548 366 человек и из них расстреляно 681 692².

Волна массовых репрессий 1937—38 гг. широко захватила руководящих работников партийных, советских органов, хозяйственных организаций, а также командный состав в армии и органах НКВД³.

В большинстве республик, краев и областей в эти годы было арестовано почти все руководство партийных и советских органов, а также значительное количество руководителей городских и районных организаций.

В ряде крайкомов, обкомов и райкомов партии за это время были подвергнуты арестам 2—3 состава руководящих работников.

Более того, из 139 членов и кандидатов в члены ЦК ВКП(б)⁴, избранных на 17-ом съезде⁵, было арестовано и расстреляно в эти годы 98 человек^{IV}.

Поражает тот факт, что для всех преданных суду членов и кандидатов в члены ЦК ВКП(б) была избрана одна мера наказания — расстрел, что ни одного из них не оставили в живых.

Из 1966 делегатов съезда с решающим и совещательным голосом арестовано по обвинению в контрреволюционных преступлениях 1108 человек^V, из них расстреляно 848.

Приведенные данные свидетельствуют о том, что органы НКВД, названные тов. СТАЛИНЫМ⁶ вооруженным отрядом партии, по существу были направлены против партии.

Юридическим обоснованием вынесения судебными органами приговоров о немедленном расстреле большого количества советских граждан

I Слова, выделенные курсивом, вписаны в текст доклада от руки.

II Имеется в виду поручение Президиума ЦК КПСС.

III Во всех публикациях доклада ошибочно указывается число 1980635 человек.

IV По установленным данным, из 139 членов и кандидатов в члены ЦК ВКП(б), избранных на XVII съезде партии, были репрессированы 97 человек, покончили жизнь самоубийством 5 человек, расстреляны за нарушения социалистической законности 4 человека, убит в результате покушения 1 человек, умерли своей смертью 32 человека.

(См.: О судьбе членов и кандидатов в члены ЦК ВКП(б), избранного XVII съездом партии // Известия ЦК КПСС. 1989. № 12. С. 82—87.)

V Во всех публикациях доклада ошибочно указывается число 1103 человека.

явился закон от 1 декабря 1934 г.⁷ Этот закон, изданный после убийства С. М. Кирова⁸, устанавливал ускоренное и упрощенное рассмотрение дел и запрещал не только кассационное обжалование, но даже и подачу заявления о помиловании.

Кампания массовых арестов в большинстве своем ни в чем не повинных советских людей началась после того, как тов. СТАЛИН в своей телеграмме, разосланной членам Политбюро⁹ в октябре 1936 г.^{VI}, указал, что органы Наркомвнудела запоздали с раскрытием антисоветского троцкистско-зиновьевского заговора по крайней мере на 4 года.

На собрании руководящих работников Главного Управления Государственной Безопасности¹⁰ НКВД СССР 19 марта 1937 года в своем докладе «Об итогах пленума ЦК ВКП(б)» ЕЖОВ¹¹, ссылаясь на телеграмму тов. СТАЛИНА и решения февральско-мартовского пленума¹² ЦК ВКП(б), потребовал от всех работников органов государственной безопасности сделать из этой, как он выразился, «суровой оценки» тов. СТАЛИНЫМ работы Наркомвнудела «все необходимые выводы».

Подводя итоги работы этого совещания, ЕЖОВ сказал:
«...важно усвоить, что у нас имеется ряд таких недостатков, которых мы терпеть не можем, времени упущено очень много... Поэтому главная задача, которую мы должны себе поставить, — это в относительно короткий срок наверстать все упущенное и в нашей агентурной работе, и в разгроме врага.

Мы громим врага и громим крепко. Погромили троцкистов, крепко погромили. Я цифр не буду называть, но они довольно внушительны, уничтожили их немало. Громим эсеров, громим шпики и немецких, и польских, и японских, но это пока что, как говорят, с насюка, это еще не все».

(Стенограмма актива ГУГБ 21. III. 1937 г., л. д. 401, 402)

Все эти установки ЕЖОВА, по сути дела, были призывом к повсеместному развертыванию массовых арестов граждан при отсутствии достаточных доказательств их виновности.

I. ПРИКАЗЫ НКВД СССР О ПРОВЕДЕНИИ МАССОВЫХ РЕПРЕССИЙ

«Наверстывая упущенное», ЕЖОВ в нарушение советских законов в середине 1937 года издал ряд приказов о репрессировании десятков, а затем и сотен тысяч ни в чем не повинных людей по признакам национальности, ранее проживавших в других странах, имевших связи с иностранцами и т. д.

25 июля 1937 года ЕЖОВ подписал и ввел в действие по телеграфу приказ № 00439¹³, которым обязал местные органы НКВД в 5-дневный срок арестовать всех германских подданных, в том числе и политических эмигрантов, работающих или ранее работавших на военных заводах и заводах, имеющих оборонные цеха, а также железнодорожном транспорте, и в процессе следствия по их делам «добиваться исчерпывающего вскрытия не разоблаченной до сих пор агентуры германской разведки». Таким образом, аресту подлежали все

«В Президиум
ЦК КПСС».
Доклад
комиссии
Поспелова

**доклад
комиссии
поспелова**

Приказы
НКВД СССР
о проведении
массовых
репрессий

без разбора немцы, и среди них нужно было «вскрыть» неразоблаченных шпионов.

Этим приказ не ограничивался. Он, кроме того, обязывал подготовить вторую очередь массовых репрессий, уже среди советских граждан немецкой национальности.

Спустя 5 дней, 30 июля 1937 года, был подписан второй приказ — № 00447¹⁴, в котором говорилось:

«...Перед органами государственной безопасности стоит задача — самым беспощадным образом разгромить всю эту банду антисоветских элементов... и, наконец, раз и навсегда покончить с их подлой подрывной работой против основ советского государства.

В соответствии с этим приказываю — с 5 августа 1937 г. во всех республиках, краях и областях начать операцию по репрессированию бывших кулаков, активных антисоветских элементов и уголовников...»

Репрессии подлежали бывшие кулаки, члены антисоветских партий, белые, жандармы, чиновники, бандпособники, реэмигранты, «продолжающие вести активную антисоветскую деятельность», в том числе отбывшие наказание и содержащиеся в тюрьмах и лагерях, а также члены их семей, которые «способны^{VII} к активным антисоветским действиям».

Этим же приказом предусмотрено создание троек¹⁵, которым поручалось рассмотрение дел указанной категории. Причем было определено, что все лица, подлежащие аресту, должны быть подразделены на две категории:

«а) к первой категории относятся все наиболее враждебные... они подлежат немедленному аресту и, по рассмотрению их дел на тройках, — РАССТРЕЛУ.
б) Ко второй категории относятся все остальные, менее активные, но все же враждебные элементы. Они подлежат аресту и заключению в лагеря на срок от 8 до 10 лет, а наиболее злостные и социально опасные из них, заключению на те же сроки в тюрьмы по определению тройки».

В этом же приказе ЕЖОВ на места спустил план с лимитом, сколько в каждой республике, крае, области должно быть репрессировано как по первой, так и по второй категориям. Всего этим приказом планировалось подвергнуть аресту 258 950 человек, в том числе по Московской области — 35 000 чел., УССР — 28 300 чел., Западно-Сибирскому краю — 17 000 чел., Ленинградской области — 14 000 чел., Азово-Черноморскому краю — 13 000 чел., БССР — 12 000 чел., Свердловской области — 10 000 чел. и т. д.

Для наиболее же ретивых начальников органов сделано примечание:

«В случаях, когда обстановка будет требовать увеличения утвержденных цифр, наркомы^{VIII} республиканских НКВД и начальники краевых и областных управлений НКВД обязаны представлять^{IX} мне соответствующие мотивированные ходатайства».

Установление «лимитов»¹⁶ и оговорка о возможности их увеличения вызвали среди карьеристически настроенных начальников УНКВД своего рода соревнование за перевыполнение установленных им лимитов. Это соревнование поощрялось ЕЖОВЫМ.

По этому поводу один из бывших руководящих работников НКВД СССР ЛУЛОВ¹⁷, впоследствии арестованный за нарушение законности, показал:

VII
VIII
IX

Здесь и далее подчеркивания сделаны в тексте доклада.
Во всех публикациях доклада ошибочно написано «наркоматы».
Во всех публикациях доклада написано «предоставлять».

«...Если говорить о “лимитах” в узком смысле, т. е. утверждаемая Наркомом разверстка количества лиц, подлежащих репрессированию и осуждению внесудебным порядком в краях и областях, то я точно знаю, что эти лимиты служили предметом своеобразного соревнования между многими начальниками УНКВД. Вокруг этих лимитов была в наркомате создана такая атмосфера: тот из начальников УНКВД, кто, скорее реализовав данный ему лимит в столько-то тысяч человек, получил от Наркома новый, дополнительный лимит, тот рассматривался как лучший работник, лучше и быстрее других выполняющий и перевыполняющий директивы Н. И. ЕЖОВА по “разгрому” контрреволюции. Я очень хорошо помню, как такие начальники УНКВД, как РАДЗИВИЛОВСКИЙ¹⁸ (Иваново) и СИМАНОВСКИЙ¹⁹ (Орел), заходя ко мне после того, как их принимал Н. И. ЕЖОВ, с гордостью рассказывали мне, что Н. И. похвалил их работу и дал им новый, дополнительный лимит.

В связи с этим я вспомнил, как однажды после моего очередного доклада, на вопрос Н. И. ЕЖОВА: “что вообще нового?” я сказал: “Заходил ко мне РАДЗИВИЛОВСКИЙ. Он выполнил старый лимит. Просит дополнительный”. Н. И. ответил: “Молодец РАДЗИВИЛОВСКИЙ. Он был у меня. Я ему дал новый лимит”.

Эпизод с РАДЗИВИЛОВСКИМ и СИМАНОВСКИМ не исключение. Он типичен для всей “лимитной практики”».

(Дело Лулова, т. I, л. д. 189—190)

Выполнив установленный лимит, начальники органов НКВД возбуждали ходатайства о даче им дополнительных лимитов, которые, как правило, удовлетворялись ЕЖОВЫМ по согласованию с ЦК ВКП(б) *(И. В. Сталиным)*.

Об этом, в частности, свидетельствует письмо ЕЖОВА № 59108 от 11 августа 1937 г. на имя тов. СТАЛИНА:

«Ввиду большой засоренности колхозов, совхозов и промышленных предприятий Западной области беглым кулачеством и другими контрреволюционными элементами, проявляющими большую антисоветскую активность, считаю необходимым увеличить число подлежащих репрессированию по Западной области бывших кулаков, уголовников и антисоветских элементов по 1 категории до 3000 человек и по 2 категории до 6000 человек.

Для Западной области было утверждено 1-я категория — 1000 человек и 2-я категория — 5000 человек.

Проект постановления представляю».

(Дело Секретариата НКВД СССР № 1595—1937 г., л. д. 28, 29)

Практику установления дополнительных лимитов подтверждают также и копии телеграмм НКВД СССР от 25 октября 1937 года, которыми только для некоторых лагерей был увеличен лимит для репрессии на 3600 человек²⁰.

(Дело Секретариата НКВД СССР № 1598—1937 г., л. д. 42—52)

Для того чтобы операция по арестам не встречала затруднений, ЕЖОВ приказом предусмотрел упрощенный метод следствия и решения вопроса об аресте. Начальник органа НКВД решал вопрос об аресте группы лиц по списку без каких-либо материалов, а в отношении порядка следствия в приказе было записано:

«...Следствие проводится ускоренно и в упрощенном порядке.

К делу приобщаются: ордер на арест, протокол обыска, материалы, изъятые при обыске, личные документы, анкета арестованного, агентурно-учетный материал, протокол допроса и краткое обвинительное заключение».

О ходе операции начальники органов НКВД обязаны были доносить телеграфом каждые 5 дней.

О темпах выполнения приказа и «объективности» расследования дел свидетельствует хотя бы отчет на 15 августа 1937 г. Из него видно,

«В Президиум
ЦК КПСС».
Доклад
комиссии
Поспелова

**доклад
комиссии
поспелова**

Приказы
НКВД СССР
о проведении
массовых
репрессий

что за 15 дней после издания приказа только по 57 областям было уже арестовано 100 990 человек, из них 14 305 человек осуждено.

Следующий удар был нанесен по полякам, и в первую очередь, по руководящему составу ЦК компартии Польши, польской секции ИККИ и лицам польской национальности, работающим на ответственных должностях в партийно-советских органах, Советской Армии и НКВД.

После ареста и «разоблачения» как польских шпионов быв. генерального секретаря ЦК польской компартии ЛЕНСКОГО-ЛЕЩИНСКОГО²¹, УНШЛИХТА²², ОЛЬСКОГО²³, ПРУХНЯКА²⁴, ПЕСТКОВСКОГО²⁵ и других выдающихся деятелей польского революционного движения ЕЖОВ издал приказ № 00485 от 11 августа 1937 года²⁶, в котором оклеветал коммунистическую партию Польши, перечеркнул ее революционную роль в рабочем движении и пытался показать, что чуть ли не главной задачей ее являлась организация контрреволюционной работы. Облыжно оговорив ряд товарищей, имеющих серьезные заслуги в деле становления и укрепления советской власти в России, ЕЖОВ приказал начать с 20 августа «широкую операцию, направленную к полной ликвидации местных организаций «Польской организации войсковой»²⁷, и закончить ее в 3-месячный срок. В приказе указано:

«Аресту подлежат:

- а) Выявленные в процессе следствия и до сего времени не разысканные активнейшие члены «ПОВ» по прилагаемому списку;
- б) все оставшиеся в СССР военнопленные польской армии;
- в) перебежчики из Польши, независимо от времени перехода их в СССР;
- г) политэмигранты и политобмененные из Польши;
- д) бывшие члены ППС²⁸ и других польских антисоветских политических партий;
- е) наиболее активная часть местных антисоветских националистических элементов польских районов».

Кроме того, в приказе сказано: «Всех проходящих по показаниям арестованных шпионов, вредителей и диверсантов — НЕМЕДЛЕННО АРЕСТОВЫВАТЬ». Таким образом, по существу был издан приказ арестовать всех лиц польской национальности.

Приказ предусматривает внесудебное решение дел арестованных по спискам с кратким изложением сути обвинения.

В связи с продажей КВЖД²⁹ в Советский Союз вернулось несколько десятков тысяч советских граждан, ранее работавших на КВЖД. Вся эта группа лиц получила нарицательное имя «харбинцы» и затем подвергнута репрессии в соответствии с приказом НКВД СССР № 00593 от 20 сентября 1937 года³⁰.

В приказе сказано: «харбинцы в подавляющем большинстве являются агентурой японской разведки...» и подлежат осуждению в срок до 25 декабря 1937 года.

В это же время были изданы распоряжения о массовых репрессиях против корейцев и латышей, причем среди латышей было уничтожено значительное количество товарищей, принимавших активное участие в революционном подполье, гражданской войне, борьбе с контрреволюцией, в том числе и такие известные партии и советскому народу люди, как РУДЗУТАК³¹, ЭЙХЕ³², КНОРИН³³, ПРАМНЭЖ³⁴, СОМС³⁵, РЕДЕНС³⁶ и другие.

Психоз «шпиономании» дошел до того, что 23 октября 1937 г. ЕЖОВ подписал приказ № 00693, в котором сделан упор на то, что агентура иностранных разведок переходит границу под видом лиц, ищущих политического убежища, и предложено: «всех перебежчиков, независимо от мотивов и обстоя-

тельств перехода на нашу территорию, немедленно арестовывать...» и предавать суду³⁷. Перебежчиков, разоблаченных как шпионов — Военной Коллегии, и «всех остальных подозреваемых... и оставшихся неразоблаченными заключать в тюрьмы или лагеря через представление дел на Особое совещание».

Таким образом, профессионалы-революционеры, ответственные работники братских компартий, скрываясь от соответствующих иноразведок, а также трудящиеся, приходящие к нам в поисках лучшей жизни, перебираясь с риском для жизни на территорию СССР, неизбежно попадали в тюрьму или под расстрел.

Этот приказ нарушил конституционный принцип о предоставлении права политического убежища и чудовищно попирает ленинское учение об интернационализме.

В результате всех массовых операций в центре и на местах в органах НКВД скопилось большое количество арестованных. Тогда «в целях быстрого рассмотрения следственных дел» приказом НКВД СССР № 00606 от 17 сентября 1938 года были созданы, наряду с существовавшими тройками, так называемые особые тройки³⁸ в составе первого секретаря обкома, крайкома или ЦК нацкомпартии, соответствующего прокурора и начальника УНКВД. Тройки принимали решения по краткой справке и большинство арестованных приговаривали к расстрелу. Приговор тройки приводился в исполнение немедленно.

По отчетным данным только на 10 сентября 1938 года, в результате выполнения указанных выше приказов, объявляющих по существу массовый террор, по национальному признаку было рассмотрено дел на 227 986 человек, в том числе осуждено к расстрелу 172 830 человек, к разным мерам наказания — 46 912 человек, передано на рассмотрение судов 3120 и возвращено к доследованию на 5124 человека.

По отдельным операциям эти данные распределяются следующим образом:

№ п. п.	национальность	Из них				
		всего рассмотрено	осуждено к расстрелу	осуждено к др. наказаниям	передано в суды	возвращено к доследованию
1	поляков	106 666	84 471	19 018	943	2234
2	немцев	31 753	24 858	5750	676	569
3	«харбинцев»	30 938	19 312	10 669	251	706
4	латышей	17 581	13 944	2741	512	384
5	греков	11 261	9450	1553	70	180
6	румын	6292	4021	2077	42	152
7	финнов	5880	5224	423	140	93
8	эстонцев	5680	4672	625	69	224
9	иранцев	2180	908	1154	17	101
10	афганцев	691	99	400	12	180
11	других	9064	5781	2494	488	301
Итого		227 986	172 830	46 912	3120	5124

«В Президиум
ЦК КПСС».
Доклад
комиссии
Поспелова

**доклад
комиссии
поспелова**

Приказы
НКВД СССР
о проведении
массовых
репрессий

15 августа 1937 года ЕЖОВ, основываясь на постановлении Политбюро ЦК ВКП(б)³⁹, издал приказ № 00486, которым обязал местные органы НКВД арестовать и осудить через Особое совещание на срок не менее 5—8 лет лишения свободы всех «жен изменников Родины, членов право-троцкистских шпионо-диверсионных организаций», осужденных после 1 августа 1936 г., а также и «социально опасных и способных к антисоветским действиям» их детей старше 15 лет.

Впоследствии действие этого приказа было распространено на членов семей так называемых харбинцев.

Приказ № 00486 издан в грубом противоречии с основами советского законодательства, предусматривающими, что уголовному наказанию лицо может быть подвергнуто лишь за конкретно совершенное им преступление. По этому же приказу в лагеря на длительные сроки были водворены сотни тысяч ни в чем не повинных людей, а их малолетние дети, лишенные обоих родителей, сдавались в детские дома или под надзор дальних родственников.

II. ИСКУССТВЕННОЕ СОЗДАНИЕ АНТИСОВЕТСКИХ ОРГАНИЗАЦИЙ, БЛОКОВ И РАЗЛИЧНОГО РОДА ЦЕНТРОВ

Приказы ЕЖОВА по проведению массовых арестов не только ориентировали, но и обязывали местные органы НКВД «вскрывать» казачьи повстанческие организации, шпионские, диверсионные группы и организации «ПОВ» (Польска организация войскова) и т. п.

Начальники УНКВД, получив разверстку на арест нескольких тысяч человек, были поставлены перед необходимостью арестовывать сразу сотни и тысячи человек. А так как всем этим арестам надо было придать какую-то видимость законности, то стали выдумывать повсеместно всякого рода повстанческие, право-троцкистские, шпионско-террористические, диверсионно-вредительские и тому подобные организации, «центры», «блоки» и просто группы.

Судя по материалам следственных дел того времени, получается, что почти во всех краях, областях и республиках существовали широко разветвленные «право-троцкистские шпионско-террористические, диверсионно-вредительские» организации и центры, и, как правило, эти «организации» или «центры» возглавляли первые секретари обкомов, крайкомов или ЦК нацкомпартий.

Так, в бывшей Западной области руководителем «контрреволюционной организации правых» был первый секретарь обкома И. П. РУМЯНЦЕВ⁴⁰, член ВКП(б) с 1905 года, в Татарии «руководителем право-троцкистского националистического блока» являлся бывший первый секретарь обкома А. К. ЛЕПА⁴¹, член ВКП(б) с 1914 года, руководителем «антисоветской террористической организации правых» в Челябинской области был первый секретарь обкома К. В. РЫНДИН⁴², член ВКП(б) с 1915 года, и т. д.

В Новосибирской области были «вскрыты» «Сибирский комитет ПОВ», «Новосибирская троцкистская организация в РККА», «Новосибирский троцкистский террористический центр», «Новосибирская фашистская

национал-социалистическая партия Германии», «Новосибирская латышская национал-социалистическая фашистская организация» и еще других 33 «анти-советских» организации и группы.

НКВД Таджикской ССР якобы вскрыл контрреволюционную буржуазно-националистическую организацию*. Связи ее выходили на право-троцкистский центр, Иран, Афганистан, Японию, Англию и Германию, и контрреволюционную буржуазно-националистическую организацию Узбекской ССР.

В руководстве этой организации состояли 4 бывших секретаря ЦК КП(б) Таджикистана, 2 бывших председателя СНК, 2 бывших председателя ЦИК республики, 12 наркомов и 1 руководитель республиканских организаций, почти все зав. отделами ЦК, 18 секретарей РК КП(б) Таджикистана, председатели и зам. председателей райисполкомов, писатели, военные и другие партийно-советские работники.

УНКВД по Свердловской области «вскрыло» так называемый «Уральский повстанческий штаб — орган блока правых, троцкистов, эсеров, церковников и агентуры РОВСа⁴³», руководимый секретарем Свердловского обкома КАБАКОВЫМ⁴⁴, членом КПСС с 1914 года. Этот штаб якобы объединял 200 подразделений, сформированных по военному образцу, 15 повстанческих организаций и 56 групп.

В Киевской области уже к декабрю 1937 г. было «вскрыто» 87 повстанческо-диверсионных, террористических организаций и 365 повстанческо-диверсионных вредительских групп.

Эти всякого рода контрреволюционные организации придумывались не только в краях, областях и районах, но даже на отдельных предприятиях, причем непременно с выходом за кордон. Так, например, на Рубежанском химкомбинате в гор. Сталино⁴⁵ существовала якобы «контрреволюционная троцкистская шпионско-диверсионная организация» с непосредственным выходом на разведку Польши и Чехословакии.

О том, как создавались работниками НКВД всякого рода «анти-советские центры» и «блоки», видно из показаний РОЗЕНБЛЮМА А. М., члена КПСС с 1906 года, подвергавшегося аресту в 1937 году Ленинградским УНКВД.

РОЗЕНБЛЮМ, будучи допрошенным в 1955 г., показал, что после ареста он был подвергнут жестоким истязаниям, в процессе которых у него вымогали ложные показания как на него самого, так и на других лиц, часть которых, между прочим, уже были расстреляны по приговорам трибуналов, а затем привели в кабинет ЗАКОВСКОГО.

ЗАКОВСКИЙ⁴⁶ говорил о беспечности сопротивления, что арестованному есть только один выход — тюрьма, а затем предложил свободу при условии дачи им в суде лживых показаний по фабрикуемому НКВД «делу» о Ленинградском вредительском, шпионском, диверсионном, террористическом центре.

«...Для наглядности, — показал РОЗЕНБЛЮМ, — ЗАКОВСКИЙ развернул передо мной несколько вариантов предполагаемых схем этого Центра и его ответвлений...

Ознакомив меня с этими схемами, ЗАКОВСКИЙ сказал, что НКВД готовит дело об этом центре, причем процесс будет открытый.

Будет предана суду головка центра 4—5 человек: ЧУДОВ⁴⁷, УГАРОВ⁴⁸, СМОРОДИН⁴⁹, ПОЗЕРН⁵⁰, ШАПОШНИКОВА⁵¹ и др. и от каждого филиала по 2—3 чел...

...Дело о Лен. центре должно быть поставлено солидно. А здесь решающее значение имеют свидетели. Тут играет немаловажную роль и общественное положение (в прошлом, конечно), и партийный стаж свидетеля.

*

См. прил. 13.

«В Президиум
ЦК КПСС».
Доклад
комиссии
Поспелова

**доклад
комиссии
поспелова**

Искусственное
создание
антисоветских
организаций,
блоков
и различного
рода центров

Самому тебе ничего не придется выдумывать. НКВД составит для тебя готовый конспект по каждому филиалу в отдельности, твое дело его заучить, хорошо запомнить все вопросы и ответы, которые могут задавать на суде. Дело это будет готовиться 4—5 месяцев, а то и полгода. Все это время будешь готовиться, чтобы не подвести следствие и себя. От хода и исхода суда будет зависеть дальнейшая твоя участь. Сдрейфишь и начнешь фальшивить — пеняй на себя. Выдержишь — сохранишь кочан (голову), кормить и одевать будем до смерти на казенный счет».

(Материалы проверки дела Комарова⁵², л. д. 60—69.)

О ГРУБЕЙШИХ НАРУШЕНИЯХ ЗАКОННОСТИ В ПРОЦЕССЕ СЛЕДСТВИЯ

Проводимая губительная для партии и советского государства практика массовых необоснованных арестов повлекла за собой грубейшие нарушения советской законности в органах следствия, прокуратуры и суда.

По указанию ЕЖОВА и его помощников оперативные работники НКВД в центре и на местах, забросив агентурную работу по вскрытию действительных врагов советского народа, переключились на аресты и следствие с задачей любыми средствами обосновать незаконные аресты и показать видимость существования широко разветвленной сети различного рода антисоветских формирований.

Пробравшиеся в органы государственной безопасности враги партии, примазавшиеся карьеристы, подхалимы делали свое черное дело и обманом и угрозами втянули в него честных членов партии, пришедших на работу в органы НКВД из партийных аппаратов для защиты интересов партии и советского государства.

Массовые избиения и истязания арестованных, изнурительные непрерывные многосуточные допросы, шантаж и провокация были «узаконены» как единственные средства для «разоблачения врагов».

Упрощенное следствие, санкционированное законом от 1 декабря 1934 года, исключало возможность какой-либо проверки «выбитых» показаний, да она была и «не нужна», так как суды и тройки судили и совсем без материалов.

Во многих местах начальники заранее определяли, сколько признаний в сутки должен получить каждый следователь и сколько фамилий членов антисоветских формирований должно быть указано в каждом протоколе допроса обвиняемого.

Как правило, протоколы допроса составлялись в отсутствие арестованных, и последние о содержании «своих показаний» зачастую узнавали лишь при подписи их.

Для того чтобы получить большее количество признаний, в ряде органов госбезопасности прибегали к прямой провокации. Уговаривали заключенных дать показания о их якобы шпионской работе в пользу иностранных разведок, объясняя при этом, что такого рода вымышленные показания нужны партии и правительству. При этом обещали заключенным освободить их после дачи подобного рода «признаний».